

Андреева Екатерина Васильевна, Пушкин Алексей Александрович

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ДВОЙНОМ ОТРИЦАНИИ В АНГЛИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительному исследованию феномена "двойное отрицание" в английском и чувашском языках. В работе рассматриваются особенности "взаимопереводимости" структур с двойным отрицанием в дискурсе, устанавливаются переводческие закономерности, ориентированные на сохранение коммуникативной цели высказывания в сопоставляемых языках. Источниками примеров для исследования послужили оригинальные тексты сказок О. Уайльда "Fairytales" на английском языке и тексты их литературного перевода на чувашском языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 81-84. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

азербайджанского языка, потому что в основном они не имели эквивалента в родном языке. По этой причине слова, перешедшие в азербайджанский язык из русского языка и посредством русского из европейских языков, способствовали:

1. обогащению лексики и синонимии родного языка;
2. развитию системы научных терминов в азербайджанском языке.

Видные азербайджанские ученые ещё с прошлых лет считали важным и необходимым установление взаимосвязей между азербайджанским и русским языками. Видный ученый XIX века М. Ф. Ахундов, высоко оценивая значение русского языка, писал: «Я хорошо знаю русский. В нашем веке русский язык и с точки зрения сочинительства и по другим характеристикам с каждым днем совершенствуется и становится незаменимым для отображения самых тонких вопросов» [Цит. по: 1, с. 28].

В XX веке мастера слова, в том числе и Дж. Мамедкулузаде, продолжили эту инициативу М. Ф. Ахундова и высоко оценили положительное влияние русского языка. Среди них можно назвать Дж. Джаббарлы, М. С. Ордубади, А. Шаиг и др.

Список литературы

1. Будагова З. Азербайджанский язык. Баку: Элм, 1982. 139 с.
2. *Azərbaycan dilinin orfoqrafiya lüğəti*. Bakı: Şərq-Qərb, 2013. 839 s.
3. *Cəfərov S. Müasir Azərbaycan dili. Leksikologiya*. Bakı: Maarif, 2007. 191 s.
4. *Həsənov H. Müasir Azərbaycan dilinin leksikologiyası*. Bakı: Maarif, 1988. 306 s.
5. *Xəlilov B. Müasir Azərbaycan dilinin leksikologiyası*. Bakı: Nurlan, 2008. 198 s.

SPECIFIC PECULIARITIES OF WORDS BORROWED FROM THE RUSSIAN LANGUAGE INTO THE AZERBAIJAN LANGUAGE

Alieva Gunel' Nizami kyzy
School № 28 in Sumgait, Azerbaijan
quneleliyeva1985@gmail.com

The Azerbaijan language refers to the Oghuz branch of the Turkic languages. The elements of non-cognate languages presented in Azerbaijan are revealed in it together with the common Turkic genetically cognate stratum. In the process of the development of the Azerbaijan literary language and its functional styles the Russian language played an enormous role, it is also a means of international communication in our country as well. One of the principal means of the enrichment of the vocabulary of the modern Azerbaijan language is loan words from and through the Russian language.

Key words and phrases: vocabulary; word; loan words; Azerbaijan and Russian languages.

УДК 81-115

Статья посвящена сопоставительному исследованию феномена «двойное отрицание» в английском и чувашском языках. В работе рассматриваются особенности «взаимопереводимости» структур с двойным отрицанием в дискурсе, устанавливаются переводческие закономерности, ориентированные на сохранение коммуникативной цели высказывания в сопоставляемых языках. Источниками примеров для исследования послужили оригинальные тексты сказок О. Уайльда «Fairytale» на английском языке и тексты их литературного перевода на чувашском языке.

Ключевые слова и фразы: семантика отрицания; разноструктурные языки; сопоставительный анализ; английский язык; чувашский язык; двойное отрицание; национальная картина мира.

Андреева Екатерина Васильевна

Пушкин Алексей Александрович, к. филол. н.

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова
kate016@mail.ru; fldh@mail.ru

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ДВОЙНОМ ОТРИЦАНИИ В АНГЛИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

Несмотря на общность принципов языковой концептуализации окружающего мира, мировоззренческие картины каждого народа отличаются своей уникальностью, ибо у каждого народа свой ментальный субстрат, обусловленный множеством факторов. Именно лингвокультурологический фактор играет существенную роль в конструировании языковой картины мира. Как ни парадоксально, однако, даже элементы логического мышления в этнических языках могут отражаться особым образом. В своей предыдущей работе, посвященной описанию феномена двойного отрицания, мы рассмотрели типичные варианты структур с двойным отрицанием в английском языке, определили их соответствия в чувашском языке [1].

В настоящей статье рассматривается функционирование языковых структур с оператором отрицания при предикате, при этом некоторые члены предложения одновременно выражаются лексическими единицами,

содержащими отрицательные частицы, префиксы и суффиксы. В структуре предложений с оператором отрицания при предикате некоторые члены предложений могут быть выражены лексическими единицами с имплицитной семантикой отрицания. Вследствие этого языковая структура формально имеет не только двойное, но многомерное отрицание.

Целью статьи является определение семантического значения языковых структур с двойным и/или многомерным отрицанием, установление межъязыковых переводческих соответствий в английском и чувашском языках.

Известно, что феномен «двойное отрицание» является признаком речевого и коммуникативного поведения носителей как английского, так и чувашского языков. В первую очередь это обусловлено требованиями этикета общения в конкретном социальном и культурном обществе. В соответствии с канонами традиционной грамматики наличие двух или более отрицательных элементов в английском языке противоречит нормам языка. Однако исследование трудов различных лингвистов, посвященных изучению двойного отрицания в английском языке, свидетельствует о том, что феномен этот непосредственно связан с этнической культурой самих англичан. Так, согласно Е. И. Беляевой, соблюдение принципа такта при неформальном общении составляет важную лингвистическую и социальную характеристику речевого поведения англичан, что отмечается не только лингвистами, но и писателями и журналистами [4]. Американский лингвист У. Дж. Болл, поддерживая точку зрения Е. И. Беляевой, указывает на то, что выражение «некатегоричности» присуще разговорной речи англичан. Выражение сдержанности, «некатегоричности» – это компромисс между хорошими манерами и правдивостью. При этом он отмечает, что «двойное отрицание – это *одно из средств выражения сдержанной оценки*. Это только, кажется, что оно функционирует по алгебраическому принципу: -1 и $-1 = +1$ и поэтому в нем мало смысла. На самом деле оно используется, чтобы выразить некоторую степень “выделенности” (эмфазы) или некоторую меру подразумеваемого (подтекста)» [10, р. 201-202].

Феномен «двойного отрицания» встречается в английском языке в разнообразных формах:

1) отрицание может быть выражено имплицитно, в составе слова, например, *to fail* «терпеть неудачу, не сбываться, не удаваться», *to deny* «отрицать, отвергать, отказываться», *to refuse* «отказывать, отвергать», *to stop* «останавливать, задерживать, прервать». *My grandson never fails to phone me on my birthday* [11, р. 492]. / Мой внук никогда не забывает мне позвонить в день моего рождения (*здесь и далее перевод наш – Е. А., А. П.*);

2) оно может проявляться как сочетание двух эксплицитно отрицательных морфологических элементов внутри одной лексической единицы, например, *unimpeachable* «безупречный», *unimpaired* «неослабленный, незатронутый». *She survived the accident with her sight unimpaired* [Ibidem, р. 1523]. / Она сохранила свое зрение, несмотря на то, что попала в автокатастрофу.

В современном чувашском языке до сих пор нет отдельных работ, посвященных рассмотрению вопроса о функционировании двойного отрицания в предложении. Вместе с тем языковой материал свидетельствует, что в структуре одного простого чувашского предложения могут встречаться несколько отрицательных грамматических форм или лексических единиц одновременно, например: *Телейлĕ Принц нихăсан та, нимĕн те макăрмасть*» [9]. / Счастливый Принц **никогда ни за что не** плачет.

Следует отметить, что в основе традиционного мировоззрения чувашского этноса находятся вера в одушевленность вещей, стремление не нарушать гармонию в природе, вера в добро и зло, полное приятие жизни, принцип ненасилия [8]. Именно эти принципы воссоздают национальную картину мира чувашского народа. Изучив материал сопоставляемых языков, мы попытались, с одной стороны, выявить основные средства выражения семантики двойного отрицания, а с другой стороны, установить закономерности переводческих соответствий в английском и чувашском языках.

Рассмотрим примеры с двойным отрицанием в английском и чувашском языках.

(1) <...> *but he did not like to refuse the Miller, as he was such a good friend to him* [12, с. 62]. / <...> но ему не хотелось отказывать Мельнику, потому что он был ему таким хорошим другом.

<...> *арманçăна итлемесĕр те пултараيمان вăл, мĕниен тесен Арманçă унăн чи сывăх тусĕ пулнă* [9, с. 36]. / <...> он не мог не послушаться Мельника, так как Мельник был его лучшим другом.

В оригинале двойное отрицание выражено посредством отрицательной частицы *not* «не, нет», которая входит в систему словоизменительных форм глагола и глагола *to refuse*, в составе которого наличествует сема отрицания [3, с. 53]. Наличие отрицательной частицы *not* «не, нет» не искажает смысл высказывания, а наоборот, градуирует семантику глагола *to refuse*. Соответствием данной конструкции в чувашском языке является синтаксическая конструкция, образованная при помощи деепричастия на *-ca/-ce*. В нашем случае это деепричастие *итлемесĕр* «не слушая», образованное от глагола *итле-* «слушать, прослушивать» [7, с. 39] и аффиксом отрицания на *-ма-* / *-ме-*. Здесь форма деепричастия в сочетании с отрицательной формой употребляется не в виде *-ca* / *-ce*, а в виде древней формы *-căp* / *-cĕp* [5, с. 242]. Для достижения эффекта усиления выражения отрицания в предложении присутствует глагола *пултар-* «мочь, уметь, быть в состоянии» [7, с. 92], инфиксированного отрицательным аффиксом *-мас-* в аспекте модальности невозможности *-ай-*. Следует отметить, что в чувашском языке вышеназванные отрицательные конструкции образуются при помощи деепричастия на *-ca/-ce-* в отрицательной форме при помощи аффикса *-ма-/ма-* и отрицательной формы глагола в аспекте модальности невозможности. Такие конструкции реализуются при помощи глаголов *çăт-*, *тĕс-*, *пултăр-* [1].

(2) *But they have not lost their only son, <...> no misfortune has happened to them at all* [12, с. 75]. / Но они не лишились своего единственного сына, <...> никакая беда не случилась с ними.

Анчах вĕсем нимĕнле пĕртен-пĕр ывăлне те сұхатмарĕç-ха, нимĕнле хуйхă та килсе çапмарĕ-ха вĕсене [9, с. 46]. / И никак не лишились они единственного сына, <...> никакая беда не случилась с ними...

В примере из английского языка семантика двойного отрицания представлена в сочетании *no misfortune*, образованная от существительного *fortune* «удача, счастливый случай, счастье, судьба, фортуна, богатство, состояние» [3, с. 807] при помощи отрицательного префикса *mis-*. Следует отметить, что интенсификатором отрицательной семантики слова *misfortune* является отрицательная частица *no* «не, ни», функция, которой не отрицать значение существительного *misfortune*, а наоборот, подчеркнуть его положительное значение. В примере из чувашского языка соответствующее значение передается при помощи слова с негативным значением *хуixă* «горе, беда, несчастье, скорбь» [7, с. 163]. Значение слова с негативной семантикой *хуixă* усиливается при помощи отрицательного местоимения *нимёнле* «никакой, никакая, никакое» [Там же, с. 74]. При этом в предложении присутствует дополнительное слово с отрицательным значением *çанмарё*, образованное от глагола *çан-* «бить, ударять, хлестать» [7] при помощи аффикса отрицания *-ма-*. Несмотря на то, что в чувашском предложении содержатся три элемента с негативной семантикой, составляющая семантика предложения остается положительной.

(3) <...> *who were undoubtedly the father and a mother of this Devil-Child* <...> [12, с. 53]. / <...> было вполне очевидно, что они были родителями этого злого ребенка.

Унта ним иккёленмели те çук <...> [9, с. 122]. / Нет здесь оснований для сомнений <...>.

В английской фразе значение выражения двойного отрицания передается в наречии *undoubtedly*, образованном от слова *doubt* «сомнение, колебание, нерешительность» [3, с. 609] путем прибавления отрицательного префикса *un-*. Здесь следует отметить, что существительное *doubt* само по себе отрицательно, так как содержит негативный оттенок. Сочетание отрицательного префикса *un-* с существительным с негативным значением *doubt* придает наречию *undoubtedly* положительное значение «явно, без сомнения, бесспорно» [Там же, с. 615]. В сопоставляемом чувашском языке значение отрицания выражено при помощи слова *иккёленмели*, образованного от глагола *иккёлен-* «сомневаться, колебаться, быть в нерешительности» [7, с. 36], инфиксированного аффиксом отрицания *-ме-* в сочетании с отрицательной частицей *çук* «не, нет». Интенсификатором значения отрицания выступает отрицательное местоимение *ним* «никакой» [Там же, с. 74] в сочетании с частицей *те*.

Ср.:

(4) *I have no doubt* [12, с. 63]. / Я ни капельки не сомневаюсь.

Пёртте иккёленместён [9, с. 37]. / Нисколько не сомневаюсь.

В первом из приведенных примеров формантом двойного отрицания является частица *no* «не, ни», которая интенсифицирует существительное, семантика которого сама по себе имеет негативное значение *doubt* «сомнение, нерешительность, колебание» [3, с. 609]. В соответствующем примере на чувашском языке значение отрицания содержится в сказуемом *иккёленместён*, образованном от глагола *иккёлен-* «сомневаться, колебаться, быть в нерешительности» [7, с. 36], инфиксированного аффиксом отрицания *-мес-*. Усилителем семантики глагола служит слово *пёртте* «ни разу», образованное от слова *пёр* «один» [Там же, с. 84] в сочетании с усилительной частицей *те*.

(5) <...> *the Giant was not wicked any longer* <...> [12, с. 49]. / <...> Великан-Эгоист больше не был злым <...>.

<...> *Улăн текех хаяр марине курса* <...> [9, с. 26]. / <...> Видя, что Великан-Эгоист не был больше злым.

В английской фразе двойное отрицание выражено посредством отрицательной частицы *not* «не, нет» в сочетании с составным именным сказуемым *to be wicked* «злой, злобный, порочный, безнравственный» [3, с. 719]. В примере из чувашского языка отрицание выражено с помощью отрицательной частицы *мар* «не», которая образует отрицательное значение прилагательного *хаяр* «злой, жестокий, страшный, лютый» [7, с. 157]. Как видно из примеров из английского и чувашского языков, наличие отрицательных частиц *not* «не, нет» и *мар* «не» не столько придает отрицательное значение, сколько усиливает качество составного именного сказуемого в обоих сопоставляемых языках – *to be wicked* и *хаяр*.

Сопоставительный анализ феномена «двойное отрицание» выявил, что:

1) в современном английском языке двойное отрицание реализует подчеркнутое утверждение в предложении, если оно состоит из отрицательных частиц *not* и *no* в сочетании со словом, в состав которого входит отрицательное значение. Функция данных частиц заключается не в том, чтобы опровергнуть факт, а наоборот, усилить степень качества определяемого слова;

2) в чувашском языке соответствующее значение передается несколькими способами. К ним относятся, во-первых, синтаксическая конструкция, реализуемая посредством деепричастия на *-са/-се-* в отрицательной форме, образованной при помощи аффикса *-ма/-ма-* и отрицательной формы глагола в аспекте модальности невозможности при условии, если в предложении есть глаголы *çăт-*, *тӱс-*, *пултӳр-*. Во-вторых, слова с отрицательным значением, где интенсификаторами семантики данных слов служат отрицательные местоимения и отрицательные частицы *çук* и *мар*. При этом в чувашском предложении наряду с двумя операторами отрицания может быть и глагол, инфиксированный аффиксом отрицания *-ма/-ме-*. Смысл предложения не меняется.

Исходя из вышеизложенного, следует помнить, что описание различных маркеров двойного отрицания целесообразно проводить в рамках коммуникативно-прагматического подхода, где отрицание не сосредоточено на одной какой-то форме, а затрагивает целый ряд компонентов высказывания.

Список литературы

1. Андреева Е. В. К вопросу о двойном отрицании в английском и чувашском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (55). Ч. 1. С. 87-90.
2. Андреева Е. В., Пушкин А. А. Вербальные средства усиления значения отрицания в английском и чувашском языках: переводческий аспект // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И. Б. Гецкина. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. Вып. 1. С. 6-12.

3. Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др. Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресян и Э. М. Медниковой. Изд-е 7-е, стереотип. М.: Рус. яз., 2002. 832 с.
4. Беляева Е. И. Принцип вежливости в речевом общении // Иностраный язык в школе. 1985. № 2. С. 13-16.
5. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1957. 352 с.
6. Падучева Е. В. Отрицание // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. И. Ярцева. М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2002. С. 354-355.
7. Скворцов М. И. Русско-чувашский словарь. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. 511 с.
8. Терентьева О. Н. Чувашский этнос: традиционные мировоззренческие основы и менталитет [Электронный ресурс]. URL: <http://сувары.рф/ru/content/chuvashskiy-etnos-tradicionnye-mirovozzrencheskie-osnovy-i-mentalitet> (дата обращения: 13.02.2016).
9. Уайльд О. Тёлентермёш юмахсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1986. 127 с.
10. Ball W. J. Understatement and Overstatement in English // English Language Teaching. 1970. Vol. XXIV. № 3. P. 201-208.
11. Longman Dictionary of Contemporary English. UK: Longman Group UK Limited, 5th edition, 2009. 1528 p.
12. Wilde O. Fairy tales. M.: Прогресс, 1979. 212 с.

ONCE AGAIN ON THE ISSUE OF DOUBLE NEGATION IN ENGLISH AND CHUVASH

Andreeva Ekaterina Vasil'evna
Pushkin Aleksei Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
I. N. Ulianov Chuvash State University
kate016@mail.ru; fldh@mail.ru

The article is devoted to the comparative study of the phenomenon "double negation" in English and Chuvash. The paper discusses the peculiarities of the "mutual ability to be translated" of the structures with double negation in the discourse, determines translation regularities aimed at the preservation of the communicative purpose of statements in the compared languages. The examples for the research are taken from the original texts of O. Wilde's «Fairytales» in English and from the texts of their literary translation into Chuvash.

Key words and phrases: semantics of negation; languages of different structure; comparative analysis; English; Chuvash; double negation; national picture of world.

УДК 811.163.1

В статье рассматривается функционирование субстантивов с конкретным значением в житийных и поучительных чтениях Прологов по спискам XV-XVII вв. Автором выявлена и тематически сгруппирована лексика, проведён её количественный анализ, по результатам которого определены общие и специфические для обеих частей лексико-тематические группы. На основе полученных данных делается вывод об изоморфизме агиографической и дидактической частей Пролога.

Ключевые слова и фразы: агиография; Пролог; рукописные сборники; лексикология; лексико-тематическая группа; церковнославянский язык; имя существительное.

Большаков Александр Дмитриевич

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
barsikapfff-2@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНКРЕТНОЙ ЛЕКСИКИ В АГИОГРАФИЧЕСКИХ И ДИДАКТИЧЕСКИХ ЧТЕНИЯХ РУКОПИСНЫХ СЛАВЯНСКИХ ПРОЛОГОВ XV-XVII ВВ.

Уже в самом начале изучения Прологов историками и филологами было отмечено, что этот сборник кратких житий и поучений пользовался небывалой популярностью на Руси [11, с. 6-9], и завоёвана эта популярность была именно особенностями его состава [16, с. 201]. Пролог, в начальную эпоху своего существования являвшийся сугубо литургической книгой, и притом вспомогательной [15, с. 68-69], из обычного свода кратких житий святых или просто их памятей (т.е. поимённых упоминаний без исторических сведений) [3, с. 170] превратился в сборник учительно-просветительского характера [13, с. 6], поскольку чтение назидательных статей покинуло пределы храма [15, с. 176-178] и, таким образом, книга вошла в круг келейного душеполезного чтения [16, с. 197]. Такая история Пролога дала основание исследователям именовать его «энциклопедией» [17, с. 376], «литературным гербарием», ставшим источником сюжетов и для религиозной, и для светской литературы [4, с. 102-103].

В этой связи изучение Пролога представляет большой интерес как с точки зрения историко-культурной, так и с точки зрения филологической. Но здесь стоит заметить, что филологические исследования в большинстве